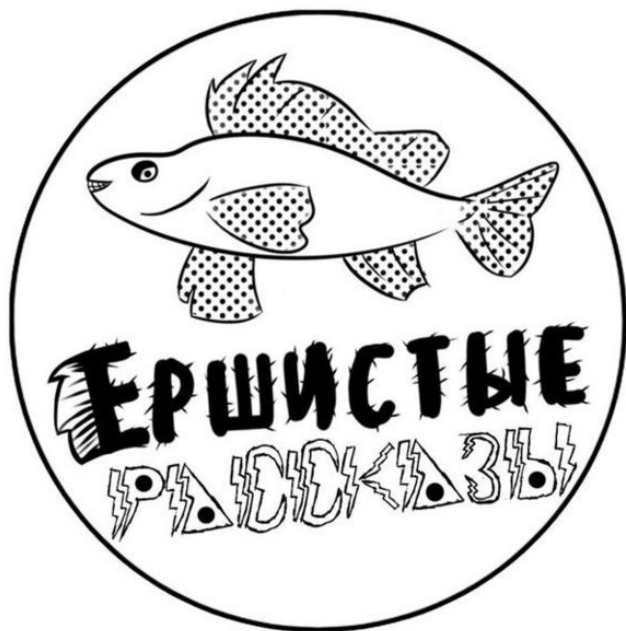

18+

Е. ЕРШОВ

ВЫПУСК I

Евгений Ершов
Ершистые рассказы.
Сборник рассказов

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67618631
ISBN 9785005642912*

Аннотация

Ершистые рассказы – это истории о фантазиях, мечтах, абсурдности бытия и видениях будущего. Истории на грани реальности и сюрреализма, вобравшие в себя хороший язык и незаурядные сюжеты. Евгений Ершов (ktoto.ershov15) – московский художник, мультипликатор, аниматор. Экспрессивность и сюрреализм своих картин он с легкостью переносит на бумагу, и его фантазии приобретают новую жизнь. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Лигъери	16
Пожарник	40
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Ершистые рассказы

Сборник рассказов

Евгений Ершов

© Евгений Ершов, 2022

ISBN 978-5-0056-4291-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Красный платок

Прошло 5 лет.

У Генри все-таки те же седые виски. Он по-прежнему много говорит о работе и его густые бакенбарды, которые меня всегда раздражали, стали еще гуще.

Он успешен, как и мечтал, готовит вкусные блюда в крупном ресторане. Даже недавно начал преподавать кулинарное мастерство. Мы с Дэном на его фоне – просто мелкие человечки. Футляра только нам не хватает.

Хотя, впрочем, я не менее успешен: делаю прически, укладываю волосы. И подчеркну, что профессионально делаю прически. Это важно. А то дилетантов полно вокруг.

Не ношу бакенбардов, хоть они назойливо растут. Еще у меня есть дорогая роговая оправа, квартира в центре города. И еще я мечтаю написать книгу. «Меня зовут Майкл» – так бы я назвал ее. И написал бы этот опус о себе. Дэн постоянно шутит на эту тему, мол, я – нарцисс в квадрате. Приходится отбиваться.

А что о Дэне? Он большой шутник и добрый парень, душа нашей маленькой компании. Всегда выручал нас своим оптимизмом. Знаете, у нас так повелось, что Дэн – холерик и оптимист, я – суровый реалист-меланхолик, а О. Генри – причудливая смесь сангвиника и пессимиста. Ну и, думаю, вы все уже поняли, кому приходится чаще всего развлекать остальных.

Мы с детства называли себя «тройка чудаков». Общаемся уже на протяжении 40 лет. И из-за личных проблем и сторонних дел не могли никак 5 лет увидеться. И, казалось, прошло мало времени, но за эти 5 лет изменилось многое в наших жизнях. И вот сегодня, в четверг, мы наконец созрели для встречи.

Решили встретиться в небольшом баре, где отнюдь не самая вкусная кухня, по словам Дэна, но самые качественные напитки, по словам Генри. Странно, что не повар критиковал еду. Хотя, зная его, я не удивлен.

Крупный мужчина, одетый как Денди, худощавый аллергик, похожий на офисного клерка и небольшого роста рыжий Фрик, вечно носящий кепку, которая, по его словам, делает

его моложе и, когда он ее носит, он автоматически становится 16-летним молодым и дерзким парнем. Странная компания, но весьма дружная. И диалог шел как обычно: вспоминали детство, шутили, обсуждали насущные проблемы и самое главное, что и сама атмосфера, располагала к теплему общению.

Когда дело доходило до обсуждения спорта, мы как обычно начинали жестко спорить, и всегда победителем выходил тот, кто первый замолчит. В этот момент над нами словно сверкали молнии – это было похоже на энергетический разряд. Мы все такие же чудаки, как и в день нашей первой встречи, только сложнее внутри и проще снаружи. Хотя порой и наоборот. И эта встреча могла бы остаться простой рядовой пьянкой с друзьями детства – хотелось бы мне этого – но все изменилось, когда на столе оказался красный платок.

Его выложил на стол Генри. И меня и Дэна, разумеется, возникло удивление, и на Генри тут же посыпались вопросы.

– Ну и зачем ты его достал? У тебя насморк? – спросил Дэн.

– Ох, не знаю даже с чего начать... Вчера вечером я виделся с Клайвом. Да, я немного простудился, и высморкаться было некуда – Клайв мне дал свой платок, вернее – он подметил – платочек своей жены.

– И что? Это малоинтересно.

– Может еще по пиву? – сказал я.

– Послушайте, произошла странная вещь: жена Клайва

была у тебя дома, лежала на постели в красивом белье и приготовила ужин? – спросил Дэн с усмешкой.

Все дружно засмеялись, однако смех Генри тут же оборвался. Он даже чуть не подавился только что выпитым виски.

– Да. – утвердительно сказал Генри.

– Определенно надо еще по пиву! Официант! – крикнул я. – Майкл, ты у нас женатый человек. Дэн, возьми платок, давай проверим, потому что жена Клайва сейчас у меня дома, готовит мне, наливает выпивку и не хочет уходить. Ген, а что тебе, собственно, не нравится? – спросил я.

– Майк, жена Клайва.

Мы переглянулись и, одновременно вспомнив эту занудную женщину, тут же поняли тяжесть ноши Клайва. Даже если бы София пропала бы, Клайв вряд ли стал бы ее искать. Уж не знаю, как его угораздило жениться на этом существе.

– Уф! Это то еще чудовище: злая, завистливая. – сказал Дэн.

– Очень смешно, ребят. Я возьму этот платок. И предлагаю поспорить на приличную сумму, что Ген просто перепил и ему мерещится все это. Или же он решил стать комиком под стать тебе, Дэн. Но нет, Генри, ты – не комик.

Я взял платок со стола, осмотрел его. Ничего особенного, просто красная тряпка из хорошей ткани. Осмотрев его, положил в карман сумки.

– Рискуешь! – сказал Дэн.

– Я тебя умоляю. Ты в своем уме? Вы разыгрываете меня? Дуэт стендаперов, будь он неладен. Наш Генри никогда не врал нам, Майк, я бы побоялся. Жена Клайва, парень, жена Клайва! – кричал Дэн.

Сталкиваясь с этим не впервые, Дэн частенько поддерживал Генри и верил ему, даже если тот был в корне не прав и нес чушь. Хотя Дэн прав: Генри практически никогда не врал нам. Чтобы красиво солгать, нужно ложь смешать с правдой – не стоит никогда напрямую лгать. Генри так не умел.

– Похоже, платок проклят. Я его всегда видел у Клайва. До знакомства с этой Софией, он никогда прежде не носил его, а после встречи с ней платок постоянно с ним. У него же простуды-то толком никогда и не было! Он крепкий. Ребят, жену Клайва мы, похоже, не зря ведьмой считали. Все встало на свои места! Надо позвонить Клайву и вернуть эту вещицу. – сказал я.

– Он не отвечает. Выключил все телефоны и удалился из социальных сетей. Он официально мертв. Фактически – это проклятие. Возможно, это передается из века в век. Страшная участь красного платка. Похоже, обладатель этой вещи рискует тем, что в него до безумия влюбится прошлый обладатель платочка, или его спутник жизни. До полного безумия!

Пока Генри говорил, он смотрел со страхом на нас, словно бы пытался напугать. И выглядело это, скажем так, очень

смешно. Актер он никудышный. Меня чуть не пробирало на смех от того, как Генри и Дэн это серьезно воспринимали. Однако, это было подозрительно.

– Клайв уже точно в другой стране. С другим именем, другой жизнью и с радостью, что избавился от Софии. Майк, теперь это твоя участь, – сказал Дэн.

– Он же всегда мог дать его кому-то другому. Что за глупость – постоянно знать, что можно избавиться от проблем, но не решать их, – крикнул я.

– Все это сложно! Там особая схема. Сам не пойму, как это работает, но я точно больше не могу переносить дома эту зануду! Майк, удачи! Если что, вы на связи. Она агрессивна, будь осторожен!

Я выпил виски и закусил. Мне не хотелось верить в происходящее, но, похоже, ребята всерьез думают, что проклятья реальны.

– То есть, ты сам не уверен, что проклятье работает? – спросил я.

– Мы проверим. В случае чего, отдай потом платок кому-то другому. Но самое главное – слушай ее, играй в ее игры дурацкие, и не смей отказывать, ни в чем! Иначе будет все очень плохо. Тебя ждет участь Клайва. – сказал Генри.

– Это идеальная жена, – сказал я.

После беседы о красном платке уже не верилось, что вечер дальше будет интересным. Этот разговор был максимально абсурден и был пресыщен безумием. Дальше уже ничего уди-

вить попросту не могло: никакой спорт и никакая личная жизнь. И потому, через полчаса мы разошлись. Генри с радостью поехал домой, Дэн же поехал дальше куда-то гулять. Я выбрал тоже путь до своего дома, ведь, похоже, меня там ждала София.

35 минут первого ночи. И вот я стою около своего подъезда. И спокойно захожу внутрь. Тук-тук-тук – стук моих ботинок разносился эхом по-пустому подъезду. Если бы мое сердце научилось вдруг исполнять музыку, то в данный момент оно бы играло рваный и неразборчивый рок-н-ролл.

Я стал подниматься быстрее и темп песни ускорялся. Сердце, казалось, хотело вырваться наружу от страха, на ладонях стал поступать пот. В подъезде стоял запах сырости и в какой-то момент стало невообразимо холодно. Из моего рта исходил пар. И, когда я приблизился к своей квартире, задул ветер.

Квартира была нараспашку открытая и рядом с ней сидел рыжий пес. «Манекен ли это?» – спросил я себя, потому как пес стоял в полной статике, не издавая ни звука. Даже когда я попытался его погладить, он не обратил внимания. Только моя ладонь прикоснулась к нему, и я почувствовал, что по нему бегает пауки. С отвращением я отошел в сторону. Через мгновение изо рта пса потекла слюна и повисла над пастью. В этот момент пес повернулся ко мне и пугающим басом проговорил: «Дом, милый дом» – а его глаза загоре-

лись, словно фары в автомобиле.

Со страхом я забежал в свою квартиру и запер дверь на ключ. Послышались шаги. Свет в прихожей не зажигался, и я включил фонарик на телефоне. Стояла тьма. Осторожно я стал идти на звуки шагов. Неожиданно шаги стали быстрее и переросли в бег. Я стал отступать в сторону.

Это была София. Она бежала – крысь-крысь-крысь-крысь – а ее левая нога издавала мерзкий похрустывающий звук. Я даже не успел ничего сказать, настолько я был шокирован. Она была довольно вызывающе одета, искрила намазанной косметикой и, откровенно говоря, выглядела ужасно.

Не успев снять куртку, она стала заставлять меня есть ужин, причем насильно. У нее в руках была тарелка со спагетти. Сильная женщина и ужасная жена.

– Я не хочу есть! Как ты вообще вошла внутрь?! – я оттолкнул ее, и тарелка упала, разбившись о кафель.

Она посмотрела с грустью на нее, и тут же перевела с улыбкой взгляд на меня:

– Дорогой, ну что за глупые вопросы? Давай пойдем посмотрим кино и, может, суши закажем.

Вспомнив о том, что Генри говорил мне постоянно с ней соглашаться, решил его послушаться и жестко послать ее. Для меня это всего один бесконечный розыгрыш.

– Иди вон отсюда! Тебя ждет дома Клайв! Ты мне противна! И кто тебе позволял делать у меня перестановку? Неужели ты не заметила, что я женат? Пошла вон!

Однако, я обратил внимание, что на всех висящих в квартире фотографиях, где прежде была моя супруга, почему-то теперь был лик Софии. Так, это уже не смешно!

София стояла и улыбалась мне:

– Дорогой, я хочу детей! Что ты об этом думаешь?

– Я хочу выйти. Я хочу выйти! Где этот платок?

Я выбежал пулей на улицу вместе с этим платком и выкинул его. Однако, он прилетел обратно ко мне. Опять выкинул – и он снова прилетел. После попытался поджечь его – он не сгорел. Закопал его в снегу – он вновь возвращался в мои руки. Мне стало немного не по себе. Что за розыгрыш?!

Люди на улице смотрели на меня и такое ощущение, что не понимали, что происходит. Может, это моя галлюцинация, или мне парни что-то подмешали? Я стал звонить Генри. Он не отвечал. После – Дэну, и он тоже не бросался с помощью. Зато позвонила жена и сказала, что скоро приедет.

– Блеск! – крикнул я.

Однако, не успев опомниться от одного кошмара, в квартире меня ждал новый: София стояла с ножом в руке и с уродливой гримасой бросилась на меня. С нее стекал пот. Косметика вся потекла. Она смеялась и пыталась прикончить меня, набросившись на меня. Мы провалились на пол. Она сидела на мне, я сдерживал ее руки, чтобы нож не приблизился ко мне. Лезвие вот-вот могло приблизиться ко мне.

Собрав все силы, я оттолкнул ее, но кончиком лезвия София все же успела поранить левую щеку. Она упала и стала

смеяться. Я отошел в сторону.

– Пошла вон, я сказал! – крикнул я.

– Ха-ха-ха, дорогой! Я люблю тебя! Я хочу от тебя детей! – проговорила она.

Ее глаза стали наливаться красным оттенком, а темные волосы, словно щупальца у осьминога, потянулись ко мне. Я потерял дар речи.

С волос стекала какая-то жидкость, и они тянулись ко мне все ближе и ближе. И я стал в панике искать ключи от квартиры. А София с улыбкой приближалась ближе, а ее волосы становились длиннее. Приближалась «идеальная жена».

В комнате сквозь тьму стали появляться разноцветные огни – это были глаза псов. Они стояли друг за другом, облизывались. Все вместе это напоминало психоделическую дискотеку.

От тысячи огней становилось не по себе, и я стал терять сознание. На миг показалось, что собаки стали улыбаться мне, и напевали какую-то жутковатую мелодию. Ее лицо стало красным, а глаза налились черным. Платок в моей руке стал истекать черным маслом. Пророчество красного платка сбылось. Сверкнули молнии.

– Ба! – крикнул Гарольд, вскочив с кровати. На часах было уже три ночи. И уже через 4 часа семье Романовски нужно быть на работе.

У Гарольда бывает периодически бессонница – это связа-

но с его стрессовой работой. Но на этот раз причиной преждевременного пробуждения послужил страшный сон.

– Дорогой, все в порядке? – спросила рядом лежащая жена.

Гарольд выпил стакан воды, стоящий возле кровати, и лег обратно.

– Да, приснился просто жуткий сон про каких-то трех друзей, которые почему-то решили вдруг встретиться, хотя, вроде как, им все равно друг на друга. Ну, знаешь, довольно яркий сон. Но ужасен он был тем, что там был...

Жена, не дослушав, начала храпеть.

– Как обычно. – сказал, улыбнувшись, Гарольд и накрыл свою возлюбленную одеялом.

Еще немного посмотрев в потолок, он уснул – на этом история красного платка заканчивается, но так ли это?

С утра Гарольд сделал себе кофе. Его жена обычно просыпалась позже. Он уселся за кухонный столик и стал читать газету в ожидании. Жена особо сильно не торопилась. Но когда она пришла, у Гарольда прихватило дыхание: у нее в руках был красный платок, точь-в-точь такой же, как и во сне.

Она встала возле зеркала и стала примерять его.

– Как думаешь, он идет мне?

– Откуда у тебя он? – спросил Гарольд.

– Да так, купила вчера. Скажи, ведь симпатичный? – и жена протянула в руки Гарольду платок.

Он взял его. Красный, как сам закат. Яркий, как палящее

солнце.

– Определенно симпатичный! – сказал, смеясь, Гарольд.

Где-то, по ту сторону, тройка чудаков начала громко хохотать. Сверкнули молнии, хоть и был яркий, утренний денек.

Гарольд Романовски посмотрел на холодильник, где красовался магнитик с надписью «Я верю в тебя!», который подарила ему жена на их первом свидании. Он улыбнулся. Да, у Гарольда определенно лучший брак на свете.

Лигьери

Давайте поговорим о снах... Вы никогда не думали об их предназначении? Это ведь как кино. И тут вы сами себе режиссеры, сценаристы, костюмеры, актеры.... Здесь вы словно хозяйка маленькой вселенной. Вашей личной вселенной. Заканчивая очередной день, ты как будто на пару минут умираешь, лишаешься возможности дышать. Но на самом деле обретаешь новую жизнь. И зачастую в момент пробуждения уже не помнишь большей части произошедшего, чаще всего лишь самые лучшие фрагменты остаются в памяти. Утром ты лишь пытаешься вспомнить, что было, словно перелистываешь книгу, которую недавно прочитал, чтобы насладиться вновь моментом. Но уже ничто не сможет вернуть его. Скажу честно, я обожаю сны.

Меня зовут Лигьери и мне известно все о снах. Но только не думайте, что я счастлив. Хотя, что касается вашей рутинной жизни, возможно, вы мне даже позавидуете, но лучше не спешите с выводами. Я вижу сны наяву. Я проживаю их. Это мой дар и одновременно проклятие.

В кабинете доктора, за столом сидел худощавый парень среднего роста, двадцати двух лет, одетый в джинсы и темную клетчатую рубашку. На ногах молодого человека были старые потрепанные кроссовки. Внешность парня – ничем не примечательная: типичный молодой человек с бледным

и вытянутым лицом, на которое, то и дело, спускаются длинные чёрные кудри. Единственная яркая черта его внешности – это скулы, о которые, казалось бы, можно порезаться. Рядом с ним лежали ручка и лист бумаги.

За спиной парня располагался большой проекционный экран, скрывающий часть стены, выкрашенной в синий цвет. На другой стене висел ковёр, на его фоне красовались античные фигуры и пустой шкаф. Особое настроение в интерьер кабинета вносили часы без циферблата и чисел и висящий на стене портрет мужчины. Всё бы ничего, но у мужчины на картине не было лица. Общая обстановка напоминала скорее даже не кабинет, а большую комнату с множеством книжных стеллажей, красивым камином, свечами. Аристократичная атмосфера, проще говоря. Красивая мебель, длинный персидский ковер, картины Босха по стенам.

Размышления парня прервал свет, внезапно осветивший его лицо в полутьме мрачного кабинета. Лигьери сощурился. Он увидел размытый образ какого-то мужчины... Постепенно он стал более понятным. Движения его были медленными и скованными. Он приближался словно змея. Подойдя ближе он приглушил свет на одном из осветительных аппаратов, которые находились в комнате. Лигьери вздохнул и сплюнул в сторону.

Судя по одеянию, это был доктор – высокий худой мужчина лет сорока, с короткой стрижкой и темными усами. Его пальцы были невероятно длинными, и казалось, могли бы

дотянуться до шеи Лигьери. Морщины на его лице точно повторяли его движения. Он хитроумно улыбался, и его разбитые очки потели от его тяжелого дыхания. Его тело было неестественно длинным, он возвышался на Лигьери и прочно присутствовала уверенность, что тот может растянуться еще больше. А его белые и идеальные зубы шли в резкий контраст с его внешностью.

– В чём же заключается ваша проблема? – спросил доктор, обращаясь к парню.

– Вы обещали принести кофе, – прошептал парень, не обращая внимания на вопрос доктора.

– Мистер Лигьери, не переводите стрелки. Мы же встретились с вами, чтобы понять суть вашей проблемы, – тон доктора указывал на недовольство желанием собеседника уйти от темы.

– О каких подробностях может идти речь, если еще пару минут назад у меня были связаны руки и во рту был кляп? Для вас это норма? – ответил, наконец, тот, кого доктор называл именем Лигьери.

Доктор стоял неподвижно, лишь изредка жестами сопровождая свои фразы:

– Посмотрите внимательней на стол. Неужели ваша жажда выпить кофе сильнее, чем понимание того, как вы сюда попали? Ответ ведь очевиден. Хотя не утруждайте себя.

Доктор сунул руку в карман и достал из него маленькую бумажку – контракт на лечение Лигьери, где стояла его под-

пись. Он показал документ парню, тот неохотно посмотрел на него, и прищурился, не понимая, чего доктор от него хочет. Бумага была потрепанной и создавалось ощущение, что печатали этот документ уже достаточно давно.

– Что вы хотите сказать этим? – спросил Лигьери.

– Вы сами подписали договор. Неужели вы ничего не помните? Еще вчера вы приходили ко мне в офис и буквально со слезами умоляли помочь вам! – доктор откровенно недоумевал.

Лигьери усмехнулся:

– Так вот, как вы, доктора, транжирите бедных студентов. Блестяще сыграно. Даже если я и был у вас, то точно не ушел бы без хорошего мордобития. Ненавижу докторов, ненавижу медицину.

– Да, мне прекрасно все это известно, – невозмутимо ответил доктор. – И о том, как вы росли без родителей, как зарабатываете себе на жизнь, на учебу. Вы так молоды, но так сильны, голубчик. Я искренне хочу разобраться в вашей проблеме.

– Как меня зовут, док? – спросил парень после короткой паузы.

Доктор молча убрал бумажку обратно в карман, и поправил очки.

Казалось, будто под ногами появилась дымка, а освещение немного потускнело.

Доктор выдержал паузу, затем продолжил разговор:

– Очень остроумно, мистер Лигьери. Чем вы еще готовы удивить?

– Тем, что я таких, как ты щелкаю, как орешки, – произнёс Лигьери, демонстрируя доктору щелчок пальцами. – Не при-
творяйся реальностью, чертов сон. Сотни раз повторяю тебе,
отстань от меня. Я хочу проснуться уже вторые сутки, но за-
стрял у тебя. Чего ты хочешь от меня?!

Но доктор, вопреки ожиданиям Лигьери, не растворился,
и продолжил диалог, медленно прохаживаясь по кабинету,
не переставая при этом смотреть парню в глаза.

– Но у вас ведь есть проблема. Иначе вы бы не приходили
ко мне. Мы должны решить эту проблему.

– Без капучино нет разговора. Не сработаемся, док, –
продолжал настаивать на своём Лигьери, протягивая каждое
слово, будто так доктор должен понять его лучше.

– О чем вы? – доктор вопросительно смотрел на парня.

– Знаешь, когда мне надо пробудиться я обычно могу пой-
ти на радикальные меры, – угрожающим тоном говорил Ли-
гьери, – Вот, похоже, настал этот момент. Пусть мне сделают
укол, док. Серьезно.

– И все опять по-новому? Вам не надоело такое существо-
вание? Вы же даже не разобрались, кто вы такой. Лишь ваша
фамилия с вами, остальное ведь утеряно. Студент-неудач-
ник без родителей, без родных, без друзей, который постоян-
но живет в своих снах, и не хочет ничего менять. Не сме-
шите меня, вам срочно нужна помощь.

Лигьери показалось, что ему удалось вывести доктора из себя. Парень решил закрепить успех:

– Твоя квалификация лечить самого себя. На большее просто знаний не хватит. Отпусти меня.

– Где же твой дом, Лигьери? Где же он на этот раз? – доктор не обращал внимания на оскорбления парня.

На столе Лигьери появился стакан с горячим капучино. Он точно был горячим – иначе откуда взялся пар? Это был очередной раз, когда разум Лигьери материализовал его мысли. Чтобы убедиться в реальности капучино, парень сделал глоток горячего напитка.

Наблюдая за этим чудом, доктор подметил:

– Я смотрю, вы наконец-то научились управлять своими сновидениями. Похвально. Как же вам это удалось?

Лигьери, поставив кофе на стол, язвительно ответил:

– Черт, да ты даже самого себя не вылечишь с такими вопросами.

– Чудесно, мальчик мой, чудесно... – доктор не обращал внимания на колкости Лигьери. – Так что же ты сидишь так долго, если в любой момент можешь сбежать?

– Хочу успеть к завтраку. Мама приготовит вкусный омлет. Да и чай не успеет остыть.

Доктор быстрым шагом подошёл к Лигьери, и принялся тыкать в него пальцем. Похоже, парню удалось разозлить доктора – тон его дальнейшего разговора был жёстким.

– Послушай, мальчик! Мои услуги стоят очень дорого!

Либо ты уходишь, либо я прикажу подвергнуть тебя терапии. Тогда уж, ты точно не проснешься! А ты ведь именно этого хочешь?! Не трать мое время!

Лигьери стал смотреть по сторонам в поиске выхода, но никаких дверей и даже окон в этой комнате не было. Ловушка. Замкнутое пространство. Камин внезапно погас и комнату наполнил синий туман.

– Бла-бла-бла... Ты – всего лишь плод моей фантазии. Ты всего лишь сновидение.

– Как же много ты еще не знаешь.

Лигьери усмехнулся.

– Прощай, док.

В руках у парня появился шприц, подобно тому капучино, который также взялся ниоткуда. Недолго думая, Лигьери вонзил иглу в свою руку, и с криком покинул очередное сновидение, оставив рассерженного доктора в одиночестве.

Сны всегда поражают своей внезапной сменой декораций: одна вспышка, и ты уже сменил пропитанный холодной синевой кабинет доктора на аскетичную, но невероятно уютную комнату в родительском доме.

Яркие лучи восходящего солнца бесцеремонно пробились в окно и пробудили лежащего на кровати и принципиально не желающего открывать глаза Лигьери. Но лучи беспощадны, и свое дело знают – через мгновение парень уже сидел в кровати и осматривался вокруг.

«Всё, как обычно», – подумал Лигьери, протирая глаза

и смотря на часы, как будто ожидая от них получения ответов на все вопросы, что крутились в его голове.

Раздался приятный женский голос:

– Сынок, ты уже проснулся?

– Да, мам! Всё в порядке.

– Подходи! Завтрак уже готов. И разбуди отца, пожалуйста.

Лигьери не спешил – вид из окна заставил уделить себе немного времени: спокойная улица и искренняя безмятежность – это всегда приносило умиротворение. В комнате были разбросаны пустые упаковки из фастфуда, куча журналов, тетрадей, на стенах висели какие-то плакаты. Маленькое помещение напоминало студенческое ложе и аморальные руины несчастной жизни. Стоял запах Доширака и носков.

Через минуту Лигьери проследовал на кухню, сопровождая перемещение монологом с самим собой.

Парень думал о том, как это забавно: он отлично понимал, что женщина на кухне не его мама, и тот, которого он разбудит – не его отец. И завтрак не такой вкусный, как пытаются навязать его разум... Сновидения – странная штука. Поверить в них невозможно, но приходится делать это вновь и вновь. Единственная цель – проснуться, вспомнить, что есть «Я», сбежать ото сна, сбежать от иллюзий.

В размышлениях Лигьери прошел на кухню. Мама стояла у плиты и что-то жарила, телевизор на стене транслировал выпуск новостей. Парень сел за стол и посмотрел на тарелку

перед собой. Вот и она – прекрасная мамина глазунья.

Лигьери будто говорил с кем-то невидимым, но обязательно присутствующем на этом безупречном семейном завтраке: «Давайте заключим пари... Завтра я точно проснусь в глухом подвале в полузаброшенном городе. Думаете, такое нереально? Поверьте, произойти может все что угодно, ведь со снами шутки плохи. И там, завтрак я уже не поем, придется выживать. Наверное, стоит приступить к глазунье».

Лигьери обернулся и посмотрел на женщину в белом фартуке с длинными рыжими волосами, которая должна была быть его мамой: у неё не было лица, вместо него – размытое пятно. Она кивала головой, и с каждым мгновением её образ становился всё менее реальным. Когда она пыталась говорить из ее рта что-то вытекало.

Лигьери стоял у светофора. Было ясное солнечное утро, и людей на улице было ровно столько, чтобы не создавалось впечатления типичной городской суеты. Парня окружали всё те же люди с размытыми лицами.

«Мне двадцать, – думал Лигьери. – И я почти уверен, что в своей реальной жизни я не курю и не пью. Но никто так и не соизволил мне назвать мое имя или хотя бы намекнуть на мое происхождение. Поэтому на экзамен я пойду следующим образом...».

Внезапно в руках парня появилась банка пива, а во рту – сигарета. Парень подумал, что легко может убедиться в том, что он спит. Для этого достаточно было посмотреть вверх:

по небу летел огромный кит, подвешенный на дирижабле, с которого лилась вода. Вода собиралась в капли, и уже дождём падала на прохожих, суетливо достающих зонтики и прикрывающих голову всем, что попадалось под руки. Верхняя часть кита была оформлена улицами большого города, через центр которого проходила река. Город раскинулся на полуострове, был украшен красивыми зданиями, выполненными в совершенно разных стилях, а между ними было множество переходов, лестниц и лифтов, по которым беспорядочно перемещались люди. В самом центре города, на брусчатке, одиноко сидела собака. Особого внимания заслуживала доблестная команда людей, управляющих дирижаблем.

Наконец, на светофоре загорелся зелёный свет, заставив Лигьери отвлечься от кита и переместиться на другую сторону улицы.

«Это просто экзистенциальный кит», – думал парень, ускоряясь под мигающий сигнал светофора. Пока Лигьери шел на другую сторону улицы он заметил, что люди вокруг одеты в наряды абсолютно разных национальностей. Это был сумасшедший микс из разных культур. Его это весьма позабавило. И лишь пробегающие под ногами мыши его смущали, так как щекотали ноги. Мерзкие грызуны.

На другой стороне улицы к Лигьери подбежал радостно улыбающийся мужчина и протянул лотерейные билеты. Одетый в красивый фрак, тот был тучного сложения, на груди

его висело множество орденов и разных значков, а на голове шутовской колпак больше напоминающий щупальца. С каждого щупальца свисали стеклянные шарики наполненные чем-то фиолетовым.

– Вы победили во всех лотереях, сэр! Вы победитель нашей уникальной космической лотереи! Приглашаем вас забрать свой выигрыш!

Лигьери остановился, и с равнодушным видом посмотрел на мужчину.

– Ага, а на той стороне мертвецы танцуют. Черт, и круто ведь танцуют. Можно я возьму газетку, парень?

На противоположной стороне улицы, действительно, танцевали вальс два мертвых человека – мужчина и женщина. Рядом с ними стоял виниловый проигрыватель, из которого по улице разлетались мелодичные звуки джаза. Женщина взлетела и взяла мужчину за руку, потянув за собой. И они полетели вместе, постепенно трансформируясь в большую розу, которая уже через секунду распалась на мелкие кусочки.

Лигьери взял газету у молодого парня на обочине, и пошёл дальше, оставив продавца лотерейных билетов наедине со своей улыбкой.

Наш герой решил, что для наилучшего понимания обстановки сна и планирования своих дальнейших действий, будет неплохо почитать местную прессу. Что сказать? В принципе, ничего необычного: типичный провинциальный горо-

док. Бывали сны интересней. Если касаться нынешнего образа, то, похоже, Лигьери жил с семьей, успешно учился в университете. Одним словом, хороший мальчик. Придется соответствовать образу, чтобы все закончилось удачно.

К беспечно гуляющему по улице Лигьери внезапно подъехала машина. Открылась дверь и появившаяся оттуда рука резким движением затянула парня внутрь салона. Автомобиль резко рванул вперёд. Лигьери обвёл взглядом внутреннее пространство салона: в машине было три человека с головами лягушек, одетые в смокинги. Мужчины-лягушки были различной комплекции: один – толстый, другой – худой, третий – что-то среднее между ними, но отличался от остальных наличием бороды.

Водитель авто обратился к Лигьери.

– Эй, чувак! Нам нужно срочно препарировать лягушку!

– А мне бы желательно смотаться отсюда, – ответил Лигьери.

– Там все необходимое рядом! У тебя пять минут!

– Черт, да я не умею!

– Нет времени на разговоры! Препарируй как в последний раз! Препарируй!

Толстая лягушка с человеческим телом громко квакнула и проглотила Лигьери целиком. Парень, закрыв глаза, с криком полетел в пропасть...

Когда Лигьери, наконец, решился открыть глаза, он увидел просторную лекционную аудиторию, а рядом сидела ры-

жеволосая девушка.

– Где ты пропадал? – спросила девушка.

– Не важно, – отрезал парень, – Ты умеешь препарировать лягушек?

Она улыбнулась.

– Нет, а это так важно?

– После лекции пойдем препарировать лягушку.

В этот момент Лигьери посмотрел на повернувшегося к нему лектора – это был тот самый доктор из кабинета с синими стенами. Лигьери вскочил.

– Опять ты?! Прекрати преследовать меня!

– О чем вы? – удивленно спросил лектор.

– Выметайся! Или я блевану! Seriously.

Лигьери попытался переместиться в другой сон, но ничего не получилось.

– Ваша успеваемость хромает, – читал нотации лектор. – И, я смотрю, вы все-таки не научились использовать грамотно свои способности. Нас ждет серьезный разговор. Даже и не думай блевать на лекции.

– Успехов тебе!

Доктор поднялся в воздух, в одно мгновение почернел и потерял человеческий облик. Все люди, находящиеся в аудитории погрузились в процесс деформации. То же самое случилось с рыжеволосой девушкой, которая что-то пыталась сказать, но слова преобразались в невнятное мычание. Это ужасное мычание издавали все искривленные си-

луэты, ещё несколько минут назад бывшие студентами. Они приближались к Лигьери, и тыкали в него пальцами.

Лигьери попятился назад, выигрывая время, пока за его спиной вырастали крылья. Когда крылья достигли приличных размеров, Лигьери вылетел из окна и спикировал над улицами города. Следом за ним летел всё тот же доктор, на лету превратившийся в спрута, щупальца которого тянулись к парню в попытке схватить его за ноги. Спрут, было, уцепился за кроссовок Лигьери, но тот выскользнул, и удержать парня существу не удалось. Лигьери с хохотом умчался прочь, приближаясь к пролетающему по небу киту. Доктор бросился вдогонку, и неожиданно для себя угодил киту прямо в пасть, из которой через мгновение был выброшен и рассыпан по воздуху внезапно поднявшимся ветром.

Лигьери облегчённо вздохнул и приземлился на безлюдную улицу недалеко от пустующей детской площадки.

Внимание парня привлекло свечение в конце улицы. Он пошёл за ним. На двух сторонах улицы была совершенно разная погода: Лигьери находился на стороне с пасмурной погодой, а напротив ярко светила солнце и воздух плавился от жары.

Подойдя ближе, Лигьери на месте свечения увидел семью с ребёнком, который бегал вокруг родителей с воздушным шариком. Неожиданно шарик вырвался из рук сорванца, который бросился вдогонку, но споткнулся и упал на землю. Мальчик заплакал, к нему подбежала мама, обняла, попыта-

лась успокоить. Через несколько секунд к ним подошли люди, и забрали ребенка с собой. Мальчик плакал, кричал, умолял помочь ему, но, ни отец, ни мать не пытались забрать его у людей, будто всё происходило по верному сценарию.

– Мама, папа, помогите! – продолжал вырываться ребёнок.

– Ты немного другой..., – еле слышно ответил отец, как бы оправдываясь перед сыном за своё бездействие.

Незнакомцы увели ребёнка с собой.

Лучи солнца заставили Лигьери прищуриться. Протерев глаза, парень обнаружил, что все исчезли.

На скамейке напротив него сидел лысый чудаковатый парень в одних только штанах. Он был бледным, брови над голубыми глазами подведены чёрным карандашом. Парень казался вовсе не живым. Увидев Лигьери, он улыбнулся ему, впервые подав признаки жизни.

– Нажми на мое лицо и узнаешь секрет, – интригуяще проговорил чудаковатый парень.

Его пугающая худоба отталкивала Лигьери.

– Мне, честно говоря, хватит уже секретов. Я и так мало что понимаю из происходящего.

– Не удивительно, я тоже не понимал, пока не нажал на себя. Нажми на мое лицо, и узнаешь секрет.

– Удивительные просьбы преследуют меня. Может тут блевануть?

Лигьери протянул руку к лицу чудака, и нажал на него.

Как только наш герой дотронулся до области лица, она тут же провалилась и Лигьери засосало внутрь его лица. Пространство закрутилось, и образовавший вихрь вновь перенес Лигьери в другое место. Бездна в этот раз показалась чем-то облегчающим, чем-то беспечным.

Лигьери резко открыл глаза. Только не это! Снова кабинет с синими стенами!

– Вот вы и вернулись, – услышал Лигьери знакомый голос доктора. – Мне кажется, вы неправильно поняли меня. Я искренне хочу помочь вам.

Лигьери молча, смотрел на доктора, в надежде, что опять произойдёт что-нибудь непредсказуемое, но ничего не случилось.

– Давайте впредь не будем позволять себе подобных вольностей, и продолжим разговор, – сказал доктор.

– Что ж, давай продолжим, – согласился Лигьери после неудачной попытки переместиться в пространстве. – Надеюсь, что проснусь в ближайшие несколько минут.

Внезапно стало темно, а когда свет включился вновь, Лигьери уже лежал на кровати в просторной больничной палате и крепко спал. Доктор сидел рядом и через иглу шприца вводил в шею парня какое-то вещество. За окнами лил проливной дождь, шум которого был отчётливо слышен в палате. Только лишь пульс говорил о том, что Лигьери все еще жив.

В помещение зашли мужчина и женщина.

– Вы ведь его родители? – спросил доктор у вошедших.

– Да, – ответила женщина, и тут же поинтересовалась: – Он просыпался?

– Нет. Не беспокойтесь, все нормально, – успокоил доктор женщину.

В разговор вступил мужчина.

– Хорошо. Сделайте так, чтобы он не просыпался как можно дольше.

– Лучше всего никогда, дорогой, – поправила женщина.

– Да, милая. Так и будет, – мужчина обнял женщину за плечи.

– Прошел уже почти год. Никаких признаков, – заверил доктор родителей Лигьери. – Можете не переживать. Все под контролем.

Доктор провел рукой по лбу Лигьери и ухмыльнулся.

Родители с улыбками на лицах вышли из здания. Вокруг была тьма, лишь высокое здание больницы находилось под освещением. Казалось откуда-то с неба исходил огромный луч света, и придавал бетонной конструкции здания величественный вид. Рядом со зданием находилась стоянка, которая также пустовала. Лишь черный каддилак стоящий по левую сторону от здания ожидал родителей. На крыше автомобиля сидел мальчишка лет четырнадцати. У него были рыжие кудрявые волосы, рубашка в клетку и бежевые штаны. Завидев родителей он скатился вниз на капот. Стало заметно, что у него на лице есть веснушки.

Отец, увидев его воскликнул:

– Спасибо, что дождался.

Мальчишка в ответ ему кивнул и приподнялся. Он дотронулся рукой до своего живота и начал его открывать. Подобно шкафчику передняя часть его живота со скрипом распахнулась, и яркий-яркий свет озарил стоянку. Там внутри него сидели тысячи птиц. Как только мальчик открыл дверь, они тут же начали одна за одной вылетать прочь, тем самым освещая округу. Ярко-оранжевые и желтые красавицы стали кружить над темной округой.

Мальчик прикрыл дверцу и спрыгнул с автомобиля. Он побежал вприпрыжку прочь за птицами. Они освещали ему путь.

Родители забрались внутрь авто.

Впереди не сидел водитель и вовсе отсутствовало какое-либо управление, машина сама тронулась вперед. А здание больницы, которое только недавно было максимально реалистично, стало приобретать небрежные черты, словно бы это был набросок картины, сделанный углем.

Машина выехала на длинное-длинное шоссе. Дорога была освещена фонарями. Отец уставился в даль.

– Как думаешь, если бы наш сын был такой же, как все, было бы лучше? – спросила женщина.

– Какая разница?! Сейчас это уже не важно. Помоги мне одеть маску.

У отца с собой был черный чемоданчик. Открыв его он

достал две белые маски. На лицевой части чемодана большими золотистыми буквами красовалась надпись «чемоданчик сновидений».

– Все носят маски, но никто не знает что у них под маской, – загадочно проговорила женщина, помогая мужчине одеть белую маску, похожую на ту, что носят актёры в театре, и одевая себе точно такую же.

В машине включился телевизор, с экрана которого ведущий с улыбкой до ушей радостно приветствовал зрителей:

«Доброго времени суток, дорогие жители! Уже 8 утра! Не забудьте заглянуть в свои наручные часы, чтобы посмотреть гороскоп! Сегодняшний день обещает быть увлекательным!»

Родители Лигьери уткнулись в свои наручные часы, тщательно вчитываясь в каждое слово, написанное на маленьком мониторе устройства.

Ведущий с экрана телевизора продолжал уже без улыбки, куда более серьёзным тоном:

«Еще раз напоминаю, что отходить от своего гороскопа вы не должны, иначе с вас взимается крупный штраф за нарушение порядка!».

– Дорогой, что у тебя сегодня? – поинтересовалась женщина.

– Да так... Нужно прожить день и не делать никому больно, – считывал мужчина текст с экрана часов. – Не ругаться, не вздорить. Короче говоря, делать добрые дела. И это –

именно сегодня! Когда на работе тяжелый день и обвал гарантирован! Как в такой день быть добрым?! Компания просто к черту развалится, и кто только придумал жить по законам зодиаков?! Из-за этого я уже лет пять не могу повышение получить и постоянно, то добрые дела делаю, то злые, то богатею, то беднею, жду какого-то чуда! Я завидую нашему сыну! А у тебя что сегодня?

– Да, почти как всегда. Рекомендуют выключить телефон. Собственно, это я уже сделала. С начальством вообще говорят не общаться. Да я и не собиралась. Нужно связаться с родными, и больше проводить с ними времени. Не ждать неожиданной похвалы, и что старые враги могут стать союзниками. Короче, расслабляться мне нельзя, и нужно ждать чуда.

– Ты телец, а не вольная птица!

– Да знаю я, знаю! А ты водолей, а не программист! И между прочим, если бы не вы, кто знает, к чему пришел бы этот мир!

– К успеху. Ладно, мы слишком много болтаем. Маску будем снимать?

– К черту снимать! И так уже сто раз все видели. Ничего не меняется. По мне так лучше видеть эти роскошные виды. Эти прекрасные поля.

– Да, поля шикарные...

Они мчались на автомобиле по бесконечному гладкому шоссе, по обе стороны которого простирались невероятно

красивые поля. Тьма уже отступила, а фонари опустились под землю, словно бы утопая в зыбучих песках.

Хвала Всевышнему, у них есть маски, которые создают прекрасную картину этого мира. И глубоко плевать, что всё это – иллюзия, зато она чертовски красива!

В реальности же, за пределами масок родителей Лигьери, зрелище далеко не так привлекательно: нищета и разруха, развалины некогда красивых зданий, грязь и зловония, которые, к счастью, не проникают в салон автомобиля. Цветы что недавно были красивы, гнили...

Трое бездомных, греющихся возле горячей бочки, провожали взглядом уезжающую вдаль машину, секунду, назад окатившую их грязной водой из лужи. Бездомные ругались и грозили вслед умчавшемуся автомобилю, сбивая грязные капли со старых засаленных спортивных костюмов, разгоняя движениями рук надоедливых мух. Один из бродяг завёл диалог с такими же, как он, бородатыми длинноволосыми приятелями:

– Сегодня картину новую закончил. Сжег. Потом книгу написал. Использовал как туалетную бумагу. Песню сочинил потом. Уже через минуту забыл ее. Думал фильм еще снять. ... Но, по ходу, придется потом самого себя завалить. Тяжко. А все потому, что сегодня мне подал деньги легендарный художник, писатель, музыкант Альфредо Дальтонсе! Каждый день подают деньги такие личности, такие личности! ЛИЧНОСТИ!

– Да, тяжело стало, – поддержал беседу второй бездомный. – Но я все равно продолжаю собирать фантики.

Он залез в карман своих джинсов, который был переполнен конфетными фантиками и достал один из них. Прищурился и сделал вид, что ему приятен зловонный запах, стоящий на всю округу. Через мгновение он занюхнул фантик. И его переполнил аромат шоколадных конфет. Мысленно он переместился в какое-то другое пространство.

– Тьфу, опять ты за свое! Надоел уже со своими фантиками проклятыми!

Бездомный стоял в экстазе и продолжал нюхать фантик.

– Вышло все из под контроля, что поделаешь то! – вмешался в беседу третий бродяга.

– Конечно!

– Не трогай ты его.

Все бездомные громко засмеялись. А тот выкинул фантик на дорогу и засунул обе руки в карманы джинс.

После того, как хохот утих, в компании воцарилась молчаливая пауза. Бродяга достал из кармана телефон, потыкал в него грязным пальцем, после чего на экране начал отображаться процесс запуска приложения.

– Откуда это у тебя телефон? – возмутился второй.

– Прогресс – это не всегда плохо. Надо научиться приспособливаться. Знаете, почему выживут тараканы даже если будет конец света? Они приспособливаются.

– Мы тараканы?

– Нет, но мы немного идиоты.

– Ну, давайте хотя бы верить, что все будет хорошо!

– Давайте! Эй, ну что там у тебя за приложение? Рассказывай подробней.

В этот момент на выцветшем фантике, который валялся на дороге стал проявляться черно-белый текст:

«Когда-то давно, когда творчество еще имело какой-то смысл, Всевышний изобрел механизм, который позволил любому создавать то что он пожелает. Творчество стало лишь условностью. Миллионы людей потеряли свои профессии. Ведь теперь все диктовал программный код. Теперь появилась та заветная «волшебная кнопка» нажав которую ты получал готовый результат. Больше не надо мучений, бесконечных часов. Ты хочешь снять фильм? У тебя есть кнопка. Ты хочешь написать песню? Нажимай. Ты хочешь нарисовать картину? Жми скорей!

Всевышний уравнил всех. Славься Всевышний!

А горстка сопротивленцев должна быть предана сну! Вечному сну! Ведь только там они по-настоящему свободны!»

Поднялся ветер и унес фантик прочь.

И кем же Лигьери проснется завтра? Борцом за справедливость? Ленивым алкоголиком? Политиком? Певцом? А может супергероем? Это уже неважно. Он проснется.... Но не здесь, и не сейчас. Лигьери никогда не надевал маски, Лигьери всегда знал чуть больше. Он вечно будет путешествовать между своими снами и, возможно, когда-нибудь

найдет выход. Но найдешь ли его ты, читатель? Проснись.

Пожарник

Утро. На часах 11:30.

Яркое солнце уже проникло своими лучами в квартир- ку, которая, казалось бы, вовсе не была рада этому вторже- нию и всем своим видом показывала, как она не рада. По- тому как нарушать творившийся в ней беспорядок было чу- довищным преступлением. Отнюдь! Беспорядок беспоряд- ком, но хозяин квартиры Бен, известный многим под псев- донимом Избитый (потому как частенько оказывался в пере- дрягах и выходил из них далеко не победителем), постоян- но твердил всем вокруг что он «самый честолюбивый чело- век в квартале», что было, конечно же, откровенным самооб- маном. Чаще всего всякие потасовки происходили из-за его топорных политических взглядов и бурного характера. Ска- жем так, драка это его хобби между рисованием. За любую фразу, брошенную в его адрес (тем более не аргументиро- ванную), собеседник рисковал остаться с синяками. Но так получалось, что только Бена избивали. Он хоть и талантли- вый «мастер спора», но не самый сильный.

Высокий мужчина, темноволосый, короткостриженный, с резкими скулами, в идеальной форме, Бен представлял со- бой, казалось бы, успешного человека. Но на деле никако- го успеха при нем не существовало. Его квартира, которую лишь недавно он смог себе позволить, продав несколько кар-

тин, ничуть не удовлетворяла. В его грезах это должен быть «двухэтажный пентхаус, с двумя ваннами, мастерской, джакузи»... А не малютка за городом, в бедном квартале, и какой-то старой пятиэтажке.

Кухня была совмещена с комнатой и ванной, и тоже была крохотной. И везде все сплошь было завалено бумагой, холстами, набросками, кисточками. Творческий беспорядок выглядел на фоне этого хаоса явным райским уголком. Это был самый что ни на есть хаос. Стоял запах красок, растворителя, и даже кровать, диван и телевизор были запачканы. Радовал тот факт, что стены голые, и не нужно было бояться за обои. Но Бен и так ничего не боялся. Он лишь отчаянно разрабатывал схемы по достижению мирового успеха.

На всю квартиру гроыхала радостная мелодия нынче популярного хита Монеточки – Каждый раз, в руках Бена была канистра с бензином, и он словно в порыве танца ходил по квартире и разливал жидкость. Полито было все, что попадалось на глаза. Даже недавно законченные картины он предал забвению. Его руки немного тряслись, а ноги подкашивались. И конечно же забавлял тот факт, что данный ритуал проходил в тот момент, когда Бен был, будучи одетым в пижаму и домашние тапочки со слонами. Сейчас он мучился от желания закурить, но сдерживался, потому, как нужно было четко следовать плану.

В безумном танце он разливал бензин и когда канистра была пуста кинул ее на пол и раздался телефонный звонок.

Бен взял телефон с дивана и ответил.

– Да-да! Слушаю, слушаю с крайне внимательно! – радостным голосом ответил Бен.

На другой стороне послышался кашель и нежный женский голос ответил.

– Как скоро подъедешь? Зрители уже ждут... Мы хотим уже начинать запускать людей. Народу куча... Ты бы видел. Открытие еще десять минут назад должно было произойти. Ты где вообще? Завтракаешь что ли только? Я не удивлена.

Бен осмотрел политую бензином квартиру и улыбнулся.

– Я уже поел. Скоро буду. Уже заказываю такси. – Бен поправил пижаму.

– Давай быстрее. Это важная выставка для нас всех. Организаторы очень надеются на нас.

– Уже наготове!

Бен тут же побежал на кухню. Выпил чай и доел приготовленный тост. Все его движения были предельно резкими, и, казалось бы, злыми, но эта агрессия искупляла его внутреннюю пустоту. К сожалению, его вздорный характер был же и его слабостью.

Лучи солнца стали еще сильнее проникать сквозь красные жалюзи в комнате, и Бен открыл их. На улице вид на довольно-таки бедного вида остановку напротив жилого кирпичного дома. Какая-то старушка сидела и читала газету в ожидании автобуса. Посмотрев на улицу и увидев эти старые дома, он пошел переодеваться. Одновременно с этим, он заказал

такси.

Спустя десять минут он уже был одет в свой рядовой деловой костюм. Черная рубашка, черная футболка, черные джинсы и белые кроссовки. Деловой человек – деловой наряд. Тапочки он выбросил в окно, так как они все были в бензине и уже попросту непригодны. При падении они зацепились за ветки дерева, которое росло около дома. Старые тапочки – новые украшения.

Бен понюхал подмышки. И потому как процедура мытья у него ассоциировалась с пустой тратой времени в ванну он заглянул буквально на пару минут. Быстренько почистил зубы, надушился и вот он готовенький Бен. Он в последний раз прошелся взглядом по квартире. Вдохнул, увидев много хороших книг и неплохих рисунков. Еще раз вдохнул и закурил сигарету. И это редкое явление! Редко можно было увидеть во рту у Бена Избитого сигарету. Ему больше были приятны бутылки с 40 градусным напитком, нежели табачные изделия. И поэтому он, затянувшись, начал отмахивать руками от своих карих глаз едкий сигаретный дым. Через пару секунд сигарета уже упала на пол.

Все тут же запылало и огонь начал медленно охватывать все жилище. Бен тут же выбежал наружу, не закрыв квартиру, и быстро-быстро устремился с третьего этажа вниз. Снаружи его ждала машина. Спасать кого-то не входило в его планы, и покидал дом он с абсолютным безразличием. Это была часть его задумки, часть концепции. Он уселся в маши-

ну, пожилой таксист поприветствовал его, и Бен тут же отдал ему деньги. Он был весьма бедно одет и преимущественно в коричневые тона. Таксист пересчитал купюры и чихнул. И одновременно с его чихом из квартиры вырвался черный дым. «Вот так символично!» – подумал про себя художник.

– Так! Гони быстрее! Прямо-прямо, потом два раза налево и вправо. Галерея «Чардис»! Тут недалеко совсем! – суетливо кричал Бен.

– Чего вы такой напряженный... Я знаю куда ехать, вы же говорили адрес – сказал таксист.

Машина тронулась, и Бен смотрел, как из его окна вырывается черный дым и люди начинают в панике выбегать на улицу. Начался сильный пожар.

– Черт... Вы в курсе, чья это квартира? Может, поможем людям? – спросил в панике таксист.

– Нет-нет... Я опаздываю. Это квартира какого-то алкаша. Уснул, наверное, и сигарету не потушил. Я не удивлен что это случилось.

– И вам не страшно за свою квартиру?

– Я написал сообщение арендодателю.

Таксист усмехнулся.

– А вещи? С вами все в порядке? Вещи же сгорят!

– Слушай,... Гони и не задавай вопросов. – грубо сказал Бен.

Таксист тут же замолк и уставился на дорогу. Бен достал телефон и зашел в общий чат под названием «Сходка

звезд». Стал быстро набирать сообщение. Он в порыве восторга быстро бегал пальцами по экрану и его глаза горели ядовитым блеском.

«Парни! Чуваки! Ну что начинаем! Я первым беру эстафету! Только что поджег квартиру! Я в дичайшем угаре! Это будет моя лучшая работа! У вас какие планы?»

Написав сообщение, Бен включил музыку и надев наушники продолжил слушать ту пресловутую поп песенку. На улице осень, солнце, и лишь сейчас Бен начал предаваться тяжким мыслям. Его не отпускало переживание за дом и людей. Но тут же отпустил это ношу. Расслабился и выдохнул. А лицо стало мягким.

По прошествии минуты тут же стали приходить новые сообщения.

«Ну ты псих! А у меня более яркий перформанс! Гораздо круче! Я билборд сделал со своей работой и повесил в центре города! Ребят, вы в сторонке курите по сравнению с моим зрелищем!

И нашпиговал динамитом билборд! Скоро рванет! И этим самым меня уже невозможно будет не заметить!»

«Наш чат могут закрыть. Нас всех точно закроют. Но я просто пойду и голым пройду. Ну может еще погавкаю.»

Бен, читая переписку рассмеялся. Отложив в сторону телефон, продолжил смотреть в окно. Они ехали около огромного торгового центра и его взгляд привлек подозрительный большой лысый мужчина в зеленом костюме и темных оч-

ках. Бен обратил внимание на него и тот тоже не оставил художника без внимания. Они пилили друг друга тяжелыми взглядами и словно пытались сожрать друг друга. Но после проехали прочь.

– Вы художник что ли? – спросил таксист.

– Пожарник – иронично ответил Бен.

Таксист вновь замолчал. Поездка подходила к концу.

Они подъехали к галерее. Это было крупное здание, покрытое граффити и оно мало походило на галерею, скорее на какой-то бар, который, причем вот-вот закроется. Бен вышел из машины и пошел за здание. Там был маленький дворик, который напоминал давно заброшенную детскую площадку. Собака, сидевшая около галереи, пошла следом за ним. Бен заглянул в какой-то проем находившийся за забором. Осмотревшись, он засунул туда руку и стал что-то искать. Собака с любопытством смотрела, как Бен копошится. Она явно ожидала чего-то вкусенького. Покопавшись, он достает пистолет, замотанный в черную ткань и прячет под футболку.

– Собачка.... Ну нет ничего у меня извини. Вот не поверишь вообще ничего. Но сегодня возможно будет все. – сказал Бен смотря в глаза собаке.

Бен погладил серую дворнягу и вздохнув направился в галерею. Стекланные двери распахнулись перед ним, и он вошел внутрь словно спаситель мира. Собака осталась по ту сторону здания. Ее грустные глаза словно бы провожали Бе-

на в последний путь. Она облизывается и убегает.

В просторном и светлом помещении повсюду были развешаны картины Бена, а также ряд скульптур. Людей было не так много, как говорила его агент. Буквально человек сто. Но, тем не менее, при его появлении он был встречен аплодисментами. Бен присоединился к толпе организаторов, что-то обговорил с ними и к нему подошла его агент. Худая блондинка в очках и черном платье, обняла его и поправила костюм.

– Выглядишь... Нормально. Речь подготовил? – спросила она.

– Смотри что у меня...

Бен показал ей пистолет, и она тут же увела его в сторону, чтобы не дай Бог кто-нибудь не заметил этого.

– Это что такое? Ты в своем уме?

– Нужно что-то сделать. Что-то великое.

– Что ты задумал?

– Ты можешь полностью довериться.

– Тебе? Да никогда в жизни.

Бен, не дослушивая ее, слышит, что один из организаторов зовет его, чтобы он произнес речь в честь открытия выставки. Он тут же бежит к ним и, схватив в руки микрофон начинает.

– Добрый день, дорогие гости! Спасибо всем, что уделите время и пришли! Я всем вам рад и... Готов высказаться. Знаете.... Меня не интересует, почему вы все пришли и по-

чему вам не сиделось дома. Серьезно, ребят.... Зачем выбираться в дождливую осень, чтобы посмотреть на сомнительного качества работы. Посмотрите же на них. Это ужасно. Они ничем не оправданы. В них нет ни идеи, ни техники. Ничего. И знаете, что? Покиньте зал.

Все хлопали глазами и внимали его тонкой речи. Воодушевившись тем, что его персона в центре внимания, он стал ходить из стороны в сторону, организаторы недоумевали, а агент лишь закрыла ладонью лицо. Он стал активно жестикулировать и растянулся в улыбке. Бен подбежал ближе к зрителям и стал кричать на них.

– Да идите вы все к черту! Идите прочь! – кричал Бен.

Он стал тыкать зрителям пальцами в лицо. Но они стояли, хихикали и лишь внимали его речь. Словно бы ничего необычного не происходит. Из его рта брызгала слюна, а лицо покраснело.

– Все запечатлели мои работы? Все теги поставили, суки! Давайте поделитесь с друзьями! Поделитесь! Инкогнито быть не модно!

Бен подошел к девушке с бокалом шампанского и резко выхватив тут же целиком выпил. После от бокала остались лишь осколки, так как художник тут же разбил бокал. Все по-прежнему стояли и смотрели. Словно бы восхищались.

– Что вы смотрите и смотрите? Вам все хи-хи! Я страдаю. Заводы стоят, художники рисуют. А вот вы думаете, что я хоть как-то полезен этому миру? Да нихера. Я – больной

осадок на теле этого существа. А вы это говно жрете и постите в инстаграм. Нравится вам? Нравится?! Вам лишь бы себя показать. А я вот не хочу быть частью этого. Не хочу быть персонажем, хочу быть человеком! Не хочу быть персонажем! А вы суки, вынуждаете. Плодите свое самолюбие и насыщаете тегамии.... Да никому не интересна ваша ебаная жизнь.... Каждый стал художником. И даже мои работы запостив вы суки лишь говорите себе: «Посмотрите какой я культурный. Я хожу на выставки, я люблю искусство!», а сами дроните сами на себя и ставите потом лайки таким же уродам, как и вы! Ля-ля, ме-ме-ме! Лайкни меня! Оцени мою жизнь! Ваши социальные сети – это гробы. Ваши аккаунты – центры эгоцентризма. Пустые галереи никчемной жизни. Фу! Меня тошнит от вас.

– Боже, это прекрасно! Бен, продолжайте! – сказал один из организаторов.

– Завались, – крикнул ему Бен.

Тут же последовали аплодисменты.

– Bravo! Bravo! – кричали из толпы.

– Боже! Великолечно, Бен! Продолжайте! Это прекрасно!

Бен взял воздуха и отобрал у мужчины бокал с вином. Отпил.

– Вот вы думаете, что нельзя же среди бела дня пить большего одного бокала? А ничего подобного. Какого черта я еще пятый не выпил! Суки.... Итак. Поговорим о выставке. Вы меня не знаете. Вы не знаете, что я испытывал, когда

создавал это, потому что вы тупорылые суки даже сами себя не знаете. Как вы собираетесь понять другого? Зачем вы здесь? Пришли пофоткать? Показать свою культурную осведомленность? Да для вас это как поход в клуб. Тут и наливают, и пожрать дают. И еще картинки показывают. Музыку сейчас подключим... Удивительные люди вы.

Толпа продолжала хлопать глазами. С напуганным видом к нему подбежала агент. Ухватили его за руку.

– Бен, успокойся. Что ты делаешь? – сказала она.

– Не мешайте ему. – сказал организатор и девушка отошла в сторону.

Бен смотрит на нее и когда та отбегает, вновь переводит в улыбке взгляд на толпу.

– Итак... Допустим вам реально вдруг стало интересно что я рисую. А вы знаете, что только недавно за 45 лет я смог войти в свое жилье? А какой-то парнишка в свои 30 уже десятую квартиру меняет, пятую машину, десятую девушку. Вот это меня реально волнует. А вы что можете? Вы же нихера не можете. Только смотреть и жрать, трахать и ныть. Тупые куски. А выставка... Черт.... Это же просто помпезные речи и ничего больше.... Наверное, я один из вас.... Не дай Бог конечно.

Бен покрылся, потом и у него началось обильное сердцебиение. Он присел на пол и схватился руками за голову.

– У меня вопрос! – крикнул кто-то из толпы.

– Ну давай-давай.

Бен вскочил.

– Чем сегодня можно реально шокировать? Вот вы нас можете шокировать?

Бен засмеялся на всю галерею и достал пистолет. Все люди тут же примерили на свои лица маску шока и ужаса. А когда он засунул пистолет себе в рот, агент побежала к нему. Но людям удалось ее сдержать и дать продолжиться представлению.

– Боже, это прекрасно, Бен. Это твой лучший перформанс. – сказал один из организаторов.

Бен ухмыльнулся и вытащил пистолет. Повернувшись к организатору, побагровел и издал истошный смех.

– Ты думаешь? Это конец представления? Ничего подобного.

Бен идет к своей картинке. Встав напротив нее, вновь засовывает пистолет за щеку.

– Теперь моя цена будет больше. Меня запомнят навеки. Я вечный. И я победил в эстафете. Пока, удивительные люди – пробормотал Бен.

Он нажимает на курок, закрыв глаза.... но выстрела не происходит. Люди стоят и смотрят в ожидании продолжения. Бен давит на курок и злится. Неловкая пауза сопровождается кряхтением художника, у которого ничего не выходит. Вынув пистолет, смотрит на него.

– Черт... Бракованный что ли....

– Давайте я помогу! – сказал один из организаторов по-

дойдя к Бену.

Взяв в руки пистолет и осмотрев его, тот чихнул.

– Просто нежней нажимайте. Прямо очень нежно. – сказал организатор и похлопал по плечу Бена.

Художник взял в руки пистолет. Зажмурился и выстрелил. БАБАБХ! И кровь уже растекается по полотну Бена. И он падает замертво, и далее следуют громкие аплодисменты. Агент в ужасе начинает кому-то звонить. Организаторы в восторге начинают открывать бутылки с шампанским. Представление завершилось и люди начали расходиться, чтобы посмотреть картины, а труп Бена лежал посреди галереи и источал кровью. В луже крови все лишь подходили к нему и фотографировали труп, тут же делая пост в инстаграм (запрещена в РФ) с тегами: #великийхудожник #ялюблюживопись #искусствованлав #гений #геройнашеговремени

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.